

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3106](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3106)

В. И. Корсунова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ФАКТОРАХ УСПЕХА:
ВРЕМЕННЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ**

Правильная ссылка на статью:

Корсунова В. И. Представления россиян о факторах успеха: временные, возрастные и поколенческие различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 147—168. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3106>.

For citation:

Korsunova V. I. (2026) Changes in Success Attribution: Age, Period, and Generational Differences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 147–168. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3106>. (In Russ.)

Получено: 18.09.2025. Принято к публикации: 09.12.2025.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ФАКТОРАХ
УСПЕХА: ВРЕМЕННЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ И ПО-
КОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра сравнительных исследований социального благополучия, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

Аннотация. В статье рассматриваются временные, возрастные и поколенческие различия в атрибуции успеха личному трудолюбию или удаче. Несмотря на социальную значимость подобных установок, их динамика и детерминанты остаются малоизученными, а существующие работы, в том числе анализирующие схожие концепты, демонстрируют неоднозначные результаты. Отдельную сложность представляет разделение возрастных, поколенческих и контекстуальных факторов. На основании данных двух опросов Российской социально-экономической панели (РУССЕТ) 1993 и 2024 гг. текущее исследование показывает наличие всех трех эффектов. Результаты говорят о значимом росте веры в важность личного трудолюбия и снижении веры в важность удачи во всех когортах, за исключением рожденных в 1966—1975 гг., чья молодость пришлась на период трансформаций 1990-х годов. Последние демонстрируют большую веру в удачу в обоих периодах по сравнению с другими когортами. Порядковая логистическая регрессия, использованная в рамках кросс-секционного и последовательно-временного анализа, показывает, во-первых, большую веру в собственные усилия среди нынешней молодежи по сравнению с молодежью 1990-х и, во-вторых, исчезновение эффекта возраста в позднесоветских и постсоветских поколениях.

CHANGES IN SUCCESS ATTRIBUTION: AGE,
PERIOD, AND GENERATIONAL DIFFERENCES

Violetta I. KORSUNOVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Centre for Comparative Research on Social Well-Being; Senior Research Fellow*
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

² Institute for Comparative Social Research, Moscow, Russia

Abstract. The current article examines temporal, age, and generational differences in attribution of success to personal hard work or luck. Despite the social and psychological effects of these attitudes, their dynamics and determinants remain understudied, whereas existing research, including analyses of related concepts, provide inconclusive results. Furthermore, an additional challenge lies in disentangling age, generational, and contextual effects. Based on the data from two surveys of the Russian Socio-Economic Panel (RUSSET) from 1993 and 2024, the current study demonstrates evidence of all three effects. The results indicate a significant increase in the belief in the importance of hard work and a decrease in the belief in the importance of luck across all cohorts, except for those born between 1966 and 1975. Individuals whose youth coincided with the transitional period of the 1990s, i.e. born between 1966 and 1975, demonstrate a greater belief in luck in both time periods compared to other cohorts. Additionally, ordinal logistic regression, used in cross-sectional and time-sequential analyses, shows a greater belief in the importance of hard work among current youth compared to the youth of the 1990s, as well as the disappearance of the age effects among the late-Soviet and post-Soviet generations.

Ключевые слова: атрибуция успеха, удача и трудолюбие, динамика социальных установок, поколенческие различия, возрастные различия, когортный анализ

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» («Путь-90»). Грант РФФ 23-18-00635.

Keywords: attribution of success, luck and hard work, change in social attitudes, generational differences, age differences, cohort analysis

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project “Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990s”. Grant No 23-18-00635.

Введение

Установки в отношении факторов успеха, а именно вера в важность удачи или, напротив, личного трудолюбия, оказывают влияние как на социальные ориентации, так и на поведение людей. Вера в собственные усилия может быть интерпретирована как признак внутреннего локуса контроля и высокой самооэффективности, что положительно связано с удовлетворенностью жизнью [Azizli et al., 2015], рабочей мотивацией [Ng, Sorensen, Eby, 2006] и способностью справляться со сложными жизненными ситуациями [Krampe et al., 2021]. Вместе с тем с точки зрения теории веры в справедливый мир [Lerner, 1980] подобные меритократические установки отражают попытку рационализировать социальное неравенство. Более того, устойчивость данных установок даже в ситуациях, определяемых случайностью [Ledgerwood et al., 2011], приводит к негативному отношению к уязвимым группам населения [Wilkins, Wenger, 2014] и склонности к виктимблеймингу [Strömwall, Alfredsson, Landström, 2013].

Несмотря на социальную значимость подобных установок, их детерминанты остаются недостаточно исследованными. Немногочисленные работы выявляют значимые гендерные различия [Fisman, O’Neill, 2009; Daniels, Wang, 2019], а также говорят о влиянии дохода и образования [Cabeza, Decancq, 2019; Cappelen et al., 2022]. На макроуровне сравнительный анализ показывает, что распространенность веры в удачу значительно различается между странами [Daniels, Wang, 2019] и связана, в частности, с уровнем безработицы [Cabeza, Decancq, 2019] и коллективистской культурой [Harris, Milfont, Hornsey, 2022].

Вместе с тем возрастные и поколенческие различия, а также динамика установок часто остаются за кадром, а имеющиеся исследования о влиянии возраста и исторического периода дают противоречивые результаты. Например, в некоторых работах отмечается обратная связь между возрастом и верой в удачу [Cabeza, Decancq, 2019; Daniels, Wang, 2019], в других же фиксируется стабильность подобных установок [Bailis, Segall, Chipperfield 2010; Hovenkamp-Hermelink et al., 2019; Nowicki et al., 2018b]. Свидетельства о поколенческих различиях также неоднозначны. С одной стороны, наблюдается корреляция между установками родителей и детей; при этом родители склонны учить своих детей тому, что личные усилия важнее для экономического успеха, чем они сами считают [Gärtner et al., 2023]. С другой стороны, социально-политические условия

в период взросления оказывают значительное влияние на восприятие успеха как результата усилий и удачи. Например, те, чья юность пришлась на период серьезных социетальных преобразований, придают больше важности случайному стечению обстоятельств [Roland, Yang, 2017]. Однако исследователи, как правило, уделяют внимание только одному из указанных аспектов, в то время как разделение влияния возраста, поколения и исторического периода остается открытым вопросом. Кроме того, обнаруженные ранее эффекты социальной и экономической нестабильности не были проанализированы с точки зрения их устойчивости.

Дополнительную сложность в интерпретации подобных исследований представляет размытость понятия «поколение». По своему определению поколение предполагает общий исторический, культурный и социальный контекст, поэтому экстраполяция результатов анализа поколенческих различий требует учета конкретных условий. В целом в исследованиях российского контекста используются как международная классификация поколений (молчаливое, «беби-бумеры», поколения X, Y и Z [Долженкова, 2014]), так и классификации, основанные на принадлежности к определенной советской «эпохе» [Левада, 2001; Семенова, 2003; Радаев, 2018]. Еще одна проблема — необходимость отделить эффект временного периода: по сути, поколение представляет собой переживание определенного периода времени в определенном возрасте, из-за чего не всегда удается установить, являются ли наблюдаемые различия результатом социализации или же они отражают особенности конкретной эпохи.

Стоит отметить, что российский контекст представляет особый интерес, так как он позволяет рассмотреть изменения в атрибуции успеха поколений, социализировавшихся при совершенно разных социально-политических и экономических условиях. Советская система предполагала зависимость условий жизни от государства и внешних обстоятельств. С распадом СССР на смену патерналистской системе пришла рыночная экономика, требующая большего проявления личной инициативы. Подобные преобразования приводят к сдвигам в представлениях о факторах успеха: внешняя атрибуция уступает место более интернальным установкам. Однако наибольшее внимание привлекает «переходное» поколение — часть населения, чьи формативные годы пришлись на сам период трансформации 1990-х годов. Во-первых, не установлено, насколько отличаются установки данной группы от установок других поколений. Во-вторых, на данный момент нет данных о стабильности подобных различий во времени.

Исходя из этого, цель текущей работы заключается в рассмотрении возрастных, поколенческих и временных различий в атрибуции успеха в России. На основе данных Российской социально-экономической панели (РУССЕТ), собранных в 1993 и 2024 гг. с использованием комбинации кросс-секционного и последовательно-временного анализа [Masche, Van Dulmen, 2004; Mockaitis et al., 2025; Twenge, Carter, Campbell, 2017], показано наличие всех трех эффектов. В частности, выявлены общие изменения в вере в удачу и личное трудолюбие между наблюдаемыми периодами, различия в эффекте возраста между советскими и постсоветскими поколениями, а также особенности в динамике установок россиян, родившихся в конце 1960-х и начале 1970-х годов.

Обзор литературы

Удача как фактор успеха редко попадает в поле зрения социологов и в целом с точки зрения социологии влияние удачи остается дискуссионным вопросом. С одной стороны, удача рассматривается как реальное и имеющее последствия явление [Archer et al., 2023; Sauder, 2020]. С другой стороны, ситуации, воспринимаемые как проявление удачи, зачастую могут быть объяснены накопленными ресурсами и различными формами капитала [Ingram et al., 2023].

Чаще всего понятие удачи используется в исследованиях социального неравенства и мобильности [Archer et al., 2023; Loveday, 2018; Snee, Devine, 2018]. В рамках этой же дискуссии формируется и ключевая оппозиция между «усилиями» и «удачей» как факторами жизненного успеха. Критерием для подобного противопоставления служит возможность *контроля*: в то время как усилия подразумевают зависимость результата от действий индивида, удача связана с наступлением непредсказуемых и маловероятных событий, находящихся полностью вне сферы его влияния (см. [Sauder, 2020]).

Личные установки в отношении факторов успеха также остаются малоизученными. В существующих исследованиях данные ориентации обычно объясняются структурными особенностями: представления об успехе отражают устоявшиеся социальные иерархии. Так, обладание более привилегированной позицией связано с большей возможностью для контроля, что приводит к убежденности в важности собственных усилий. Находясь в менее привилегированной позиции, человек, напротив, вынужден принимать во внимание не поддающиеся контролю обстоятельства. Например, предыдущие работы по теме свидетельствуют о наличии гендерных различий, а также говорят о влиянии дохода и образования: женщины более склонны верить в важность удачи [Fisman, O'Neill, 2009; Daniels, Wang, 2019], в то время как обладатели высокого дохода и образования чаще атрибутируют успех личным усилиям [Cabeza, Decancq, 2019; Cappelen et al., 2022].

Вместе с тем отмечается и значимое влияние контекста. Социальные трансформации и экономическая нестабильность создают условия неопределенности, в которых актуализируется важность случайных событий. В частности, рост безработицы положительно связан с верой в важность удачи [Cabeza, Decancq, 2019], а отсутствие стабильности в формативные годы способствует большей вере в важность внешних обстоятельств [Roland, Yang, 2017]. Схожим образом личный опыт финансовых проблем и безработицы приводит к формированию внешнего *локуса контроля*¹ [Legerski, Cornwall, O'Neil, 2006; Nowicki et al., 2018a] и снижению чувства *самоэффективности*² [Motti-Stefanidi, Asendorpf, 2017]. Помимо этого, идеология и культурные нормы определяют, как воспринимается ситуация и интерпретируются ее результаты. Например, вера в важность удачи больше распространена в коллективистских обществах [Harris, Milfont, Hornsey, 2022; Cheng, Lo, Chio, 2010]. Кроме того, те, кто имел опыт жизни при коммунистическом режиме,

¹ Под *локусом контроля* понимается вера в способность самостоятельно влиять на происходящее (внутренний локус контроля) или вера в ключевую роль обстоятельств (внешний локус контроля) [Rotter, 1966]. Исходя из этого, представления о важности удачи / личного трудолюбия можно рассматривать как частный случай проявления внешне-го и внутреннего локуса контроля соответственно.

² Самоэффективность представляет собой веру человека в результативность собственных действий и усилий [Bandura, 1977; 1986].

больше склонны объяснять жизненные возможности социальными условиями [Alesina, Fuchs-Schündeln, 2007]. Работы, посвященные анализу российских данных, также показывают, что выросшие в советский период демонстрируют большую экстернальность [Звоновский, 2011; Мацкевич, Радионова, 2009].

Важность как демографических, так и контекстуальных факторов для определения атрибуции успеха позволяет предполагать наличие возрастных и поколенческих различий, а также динамики подобных установок во времени. Тем не менее на данный момент исследований, посвященных этим аспектам, крайне мало. Некоторые авторы свидетельствуют об отрицательной связи между возрастом и верой в важность удачи [Cabeza, Decancq, 2019; Daniels, Wang, 2019]. В то же время работы, посвященные анализу локуса контроля, демонстрируют более неоднозначные результаты: одни говорят об относительной стабильности данной характеристики у взрослых [Baillis et al., 2010; Hovenkamp-Hermelink et al., 2019; Nowicki et al., 2018b], тогда как другие показывают рост интернальности в молодые годы и смещение сторону внешнего локуса в старшем возрасте [Cobb-Clark, Schurer, 2013]. Вместе с тем исследования *стилей атрибуции*³ говорят о том, что молодые люди склонны объяснять успех внешними факторами [Blatt-Eisengart, Lachman, 2004], а неудачи — внутренними причинами [Blank, Levesque, 1993].

Кроме того, есть свидетельства межпоколенческой передачи установок в отношении факторов успеха [Gärtner et al., 2023; Snee, Devine, 2018], что также подтверждается на примере *самоэффективности* [Доценко, Зиновьева, 2020]. В то же время некоторые исследования говорят о росте внешнего локуса контроля [Bourke, Mechler, 2010; Kwiecińska et al., 2023; Ng, Lyons, Schweitzer, 2018; Twenge, Campbell, 2008] и снижении жизнестойкости [Постникова и др., 2022] в более молодых поколениях, а также о постепенном росте распространенности внешнего локуса контроля в обществе в целом [Twenge, Zhang, Im, 2004; Twenge, 2010].

Таким образом, в дискуссии по теме нет четкого консенсуса относительно возрастных и поколенческих различий в представлениях о факторах успеха. Кроме того, исследования, проведенные в других странах, не всегда могут быть соотнесены с российским контекстом, для которого характерен опыт серьезных социальных трансформаций в относительно недавнем прошлом.

Помимо установок по отношению к атрибуции успеха, важно также рассмотреть подходы к определению поколений. Под поколением чаще всего понимают группы людей, социализированных в одинаковых исторических, социально-экономических и культурных условиях. В данном случае основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, — это установление межпоколенческих границ. В качестве критерия для классификации используются годы, на которые приходится период взросления: проживание одного и того же исторического периода в одном и том же возрасте предполагает схожесть жизненного опыта, мировоззрения и ценностных ориентаций.

³ Под *стилем атрибуции* понимается способ, которым индивид объясняет причины событий. Данная концепция, помимо локуса контроля, используют также понятия причинности (приписывание причин происходящего внешним или внутренним характеристикам), стабильности (атрибуция происходящего постоянным или временным факторам) и глобальности (насколько широко или универсально действует приписываемая причина события). В данном случае противопоставление личных усилий и удачи представляет собой оппозицию между внутренними и внешними нестабильными глобальными причинами [Weiner et al., 1972].

Подобный подход требует дефиниции как периода взросления, так и исторического периода. Относительно первого понятия большинство исследователей сходится на том, что период взросления укладывается в промежуток 15—25 лет [Ибрагимова, 2014; Радаев, 2018; Roberts, 1986; Grubb, 2016]. В то же время определение исторического контекста вызывает больше разногласий. Например, часто используемая классификация поколений У. Штрауса и Н. Хоува, выделяющая молчаливое поколение, «беби-бумеров», поколения X, Y и Z [Strauss, Howe, 1991: 84], хотя и релевантна для западного контекста [Ng et al., 2018; Twenge, Campbell, 2008], не учитывает особенности российского исторического фона. Конкретнее, поколение X в российских работах обозначается как перестроечное [Левада, 2001], переходное [Семенова, 2003] или реформенное [Радаев, 2018], так как в отличие от остальных юность и молодость представителей данного поколения пришлись на период грандиозных политических и экономических трансформаций.

Независимо от метода определения поколения сравнительный анализ свидетельствует о значимых различиях в ценностях [Рикель, Доренская, 2017], образе жизни и досуге [Долженкова, 2014; Радаев, 2018], уровне субъективного благополучия [Сибирев, Головин, 2020] и жизнестойкости [Постникова и др., 2022]. Вместе с тем выделяемые поколения не всегда однородны. Например, по своим экономическим ожиданиям родившиеся в 1960-е годы ближе к предыдущим поколениям [Ибрагимова, 2014]. Кроме того, отмечается разрыв (в первую очередь цифровой) в поколении миллениалов [Радаев, 2020]. Таким образом, помимо межпоколенческих различий также необходимо принимать во внимание возможные различия внутри поколений.

Гипотезы

Исходя из предыдущих работ, можно выдвинуть ряд гипотез, касающихся представлений о факторах успеха. При этом стоит отметить, что особенности российского контекста не позволяют сделать однозначных предположений. Это связано с наличием двух долгосрочных трендов: продвижения с 1990-х годов идеи личной ответственности за успех и одновременного сохранения в коллективной памяти опыта серьезных социальных трансформаций, демонстрирующих решающую роль внешних обстоятельств.

Временные изменения:

— H1a: ожидается рост атрибуции успеха личному трудолюбию и снижение веры в важность удачи [Звоновский, 2011; Мацкевич, Радионова, 2009];

— H1b: ожидается рост атрибуции успеха удаче [Постникова и др., 2022; Twenge, Zhang, Im, 2004; Twenge, 2010].

Возрастные изменения:

— H2a: ожидается нелинейный эффект возраста: вера в важность удачи выше среди молодежи, а также старших возрастных групп [Blatt-Eisengart, Lachman, 2004; Cobb-Clark, Schurer, 2013];

— H2b: ожидается отрицательная связь между возрастом и верой в важность удачи [Cabeza, Decancq, 2019; Daniels, Wang, 2019];

— H2c: ожидается, что установки по отношению к факторам успеха не зависят от возраста [Bailis et al., 2010; Hovenkamp-Hermelink et al., 2019; Nowicki et al., 2018b].

Поколенческие различия:

— НЗ: ожидается, что рожденные в 1966—1975 гг. (те, чьи формативные годы пришлись на период нестабильности и социальных трансформаций 1990-х) в большей степени склонны атрибутировать успех удаче и меньше — личному трудолюбию [Cabeza, Decancq, 2019; Roland, Yang, 2017].

Данные

Эмпирической базой послужили результаты исследований «РУССЕТ 1990-е»⁴ и «РУССЕТ через 30 лет»⁵. Первый опрос РУССЕТ (Российская социально-экономическая панель, Russet — Russian socio-economic transition) был проведен летом 1993 г. методом личных интервью по месту жительства респондентов по всероссийской случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше. Всего было опрошено 3727 респондентов. В данной статье используются данные только первой волны опроса 1993 г.⁶ Исследование «РУССЕТ через 30 лет» было проведено в 2024 — начале 2025 г. и включало новую выборку. Опрос по новой выборке проведен методом личных интервью по месту жительства респондентов по случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше, сходной по дизайну с выборкой 1993 г. для проведения временных сравнений. Всего было опрошено 1544 респондента.

В качестве зависимой переменной выступил вопрос: *«Некоторые считают, что люди продвигаются благодаря своей работе, другие — что удача или помощь других людей более важны. Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?»* — с вариантами ответов *«Личное трудолюбие более важно»*, *«Трудолюбие и удача важны в равной степени»*, а также *«Удача или помощь других людей более важны»*⁷.

Основными независимыми переменными являются *возрастная группа, год опроса и когорта*. Всего было выделено 12 возрастных групп, каждая из которых охватывает пять лет, начиная с 18. Схожим образом были выделены поколенческие когорты, начиная с 1936 г. рождения. В таблице А1 в Приложении указано соответствие когорт поколениям в классификации В. В. Радаева [Радаев, 2018]. Вместе с тем разделение респондентов на более мелкие группы позволяет оценить схожесть установок одного поколения и выявить возможные внутр поколенческие различия [Радаев, 2020].

Помимо этого, в анализе были использованы *пол респондента, уровень образования (среднее и ниже, среднее специальное, высшее), место жительства (село, город)*, а также показатели удовлетворенности материальным положением: *оценка финансового положения по сравнению со средним в стране (от гораздо ниже*

⁴ Более подробное описание на странице проекта: <https://www.cessi.ru/usloviya-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 14.02.2026).

⁵ Более подробное описание на странице проекта: <https://www.cessi.ru/g90s> (дата обращения: 14.02.2026).

⁶ Всего было проведено семь волн исследования, однако интересующие нас индикаторы присутствовали только в анкете первой волны.

⁷ Таким образом, ответы формируют порядковую шкалу измеряющую представления человека о наличии или отсутствии личного контроля: вера в важность личного трудолюбия предполагает большее ощущение личного контроля, в то время как вера в важность удачи и помощи других людей — большее ощущение значимости внешних условий, то есть отсутствие личного контроля.

среднего до гораздо выше среднего); оценка текущего дохода по сравнению с заслуженным (получает достаточно или меньше, чем заслуживает).

Что касается социально-демографических характеристик респондентов, то по сравнению с первой волной исследования в выборке 2024 г. несколько меньше женщин, молодых респондентов, обладателей образования ниже среднего специального, а также тех, кто считает свой доход ниже среднего и меньше заслуженного. В то же время в данном опросе больше пожилых респондентов и обладателей высшего образования. В силу временной разницы между опросами различается и наполненность когорт — достаточную наполненность для сравнительного анализа имеют шесть когорт с 1946 по 1975 г. рождения (см. табл. А1 в Приложении).

Методы анализа

Разделение эффектов возраста, периода и когорты — сложная задача из-за так называемой проблемы идентификации — данные показатели находятся в прямой зависимости друг от друга, так как возраст представляет собой разницу между периодом (то есть годом наблюдения) и когортой (то есть годом рождения). Исходя из этого, стандартные аналитические подходы требуют корректировки. Однако, несмотря на давний интерес научного сообщества к данному вопросу и относительно большое количество литературы по теме, однозначного решения этой задачи все еще не существует. Большая часть предлагаемых методов предполагает определенные допущения и особую организацию данных. В текущем исследовании используется комбинация кросс-секционного (англ. *cross-sectional*) и последовательно-временного (англ. *time-sequential*) дизайна [Masche, Van Dulmen, 2004; Mockaitis et al., 2025; Twenge, Carter, Campbell, 2017]. В первом случае сравниваются возрастные группы между собой в каждой точке наблюдения: например, группа 18—22 года сравнивается с группой 23—27 лет отдельно в 1993 и 2024 гг. Благодаря этому период наблюдения оказывается зафиксированным. Во втором случае одинаковые возрастные группы сравниваются между собой в разные периоды наблюдений: например, группа 18—22 года в 1993 г. сравнивается с группой 18—22 года в 2024 г., так же как и группа 23—27 лет в 1993 г. сравнивается с группой 23—27 лет в 2024 г. В данном дизайне зафиксированным оказывается возраст.

При подобном подходе в пользу эффекта возраста свидетельствуют незначительные различия в последовательно-временном анализе (например, группа 18—22 года в 1993 г. не отличается от группы 18—22 года в 2024 г.) и значимые различия в кросс-секционном анализе (например, и в 1993 г., и в 2024 г. группа 18—22 года отличается от группы 23—27 лет). Значимые различия в последовательно-временном анализе (например, группа 18—22 года в 1993 г. отличается от группы 18—22 года в 2024 г.) и схожие изменения между точками наблюдения в кросс-секционном анализе (во всех группах произошли схожие изменения между 1993 и 2024 гг.) говорят в пользу эффекта периода. Если же последовательно-временной анализ выявляет значимые различия, а кросс-секционный анализ обнаруживает изменения только в определенных группах, то это демонстрирует эффект когорты.

В качестве основного метода анализа применялась порядковая логистическая регрессия. Были оценены отдельные модели для двух волн опроса, что дало возможность сравнить поколенческие различия. Также была построена общая модель, включающая в себя эффект взаимодействия между возрастом и годом опроса, позволяющая оценить изменения во влиянии возраста на установки о факторах успеха.

Результаты

По сравнению с 1993 г. в 2024 г. снизилась доля верящих исключительно в удачу и помощь других людей (с 21,7% до 13,4% — на 8,3 п. п., или 38,2%, $p < 0,01$), а также увеличилась доля тех, кто придает одинаковое значение и удаче, и собственным усилиям (с 37,5% до 44,9% — на 7,4 п. п., или 16,4%, $p < 0,01$); вместе с тем процент верящих только в личное трудолюбие почти не изменился (с 40,8% до 41,6% — на 0,8 п. п., или 1,9%, $p = 0,51$). Подобные результаты в целом подтверждают гипотезу H1а и противоречат предыдущим исследованиям, говорящим о росте экстернатальных установок.

Если рассматривать данные изменения относительно выделенных когорт (см. рис. 1), то во всех группах, кроме 1971/75, можно отметить рост веры исключительно в личное трудолюбие (изменения составили от 15,6 п. п. до 25,9 п. п., все $p < 0,01$) и снижение веры в удачу (от 13,7 п. п. до 17,0 п. п., все $p < 0,01$). В когорте 1971/75 доля верящих исключительно в собственные усилия значимо не изменилась (рост на 2,7 п. п., $p = 0,60$); однако в данной группе можно наблюдать статистически значимый рост числа тех, кто придает одинаковое значение и усилиям, и удаче (с 42,5% до 56,7%, $p = 0,02$, в остальных когортах — $p > 0,05$). При этом в когорте 1966/70 в обоих периодах наблюдается наибольшая доля верящих исключительно в удачу. Данные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы H3.

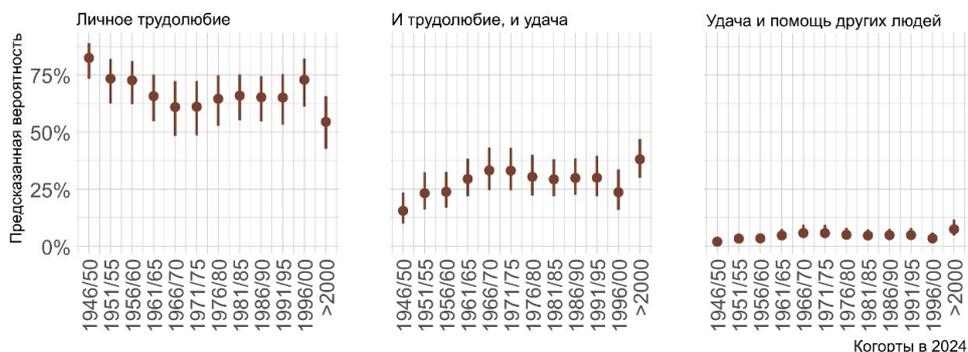
Вместе с тем заметны и различия между родившимися до и после 1970-х годов. В более ранних когортах отмечается, во-первых, отрицательная связь возраста и веры в удачу и, во-вторых, практически одинаковое увеличение веры в личное трудолюбие между 1993 и 2024 гг.

Рис. 1. «Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?» — процент ответивших в 1993 и 2024 гг. по когортам

Вместе с тем в последующих когортах наблюдается иная картина. Результаты порядковой логистической регрессии на основе данных 2024 г. показывают, что среди рожденных после 1975 г. связь представлений о факторах успеха и возраста исчезает — данные группы друг от друга не отличаются (см. рис. 2). Исключением оказывается последняя на данный момент наблюдаемая группа рожденных после 2000 г. («поколение Z»): по сравнению с группой 1996/00 в ней значимо меньше тех, кто приписывает успех исключительно собственному трудолюбию, а также больше тех, кто верит в удачу и помощь других людей ($p < 0,01$).

Рис. 2. «Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?» — предсказанная вероятность с 95-процентным доверительным интервалом в зависимости от когорты в 2024 г., порядковая логистическая регрессия

Дополнительно данные выводы иллюстрирует кросс-секционный анализ различий между возрастными группами (см. табл. 1). В 1993 г. можно наблюдать значимый эффект возраста: представители старших возрастных групп были менее склонны атрибутировать успех удаче и больше верили в важность собственных усилий. Однако в 2024 г. эффект возраста становится практически незначимым. Таким образом, возрастные различия оказываются неустойчивыми во времени, что свидетельствует о наличии эффекта когорты (в противном случае в обоих исследованиях влияние возраста было бы одинаковым). Полученные результаты также не позволяют однозначно подтвердить изначальные предположения о влиянии возраста на атрибуцию успеха: для более ранних советских поколений (мобилизационного, поколений оттепели и застоя) подтверждается гипотеза H2a (возраст отрицательно связан с верой в важность удачи), в то время как для постсоветских поколений — гипотеза H2c (отсутствие связи между возрастом и атрибуцией успеха).

Таблица 1. Вера в удачу по сравнению с личным трудолюбием — кросс-секционный и последовательно-временной дизайн (порядковая логистическая регрессия)

Предикторы	КС 1993	КС 2024	ПВ
	ОШ (СО)	ОШ (СО)	ОШ (СО)
Трудолюбие / трудолюбие и удача	0,99 (0,12)	2,01*** (0,36)	0,52*** (0,09)
Трудолюбие и удача / удача	5,94*** (0,72)	20,69*** (4,09)	3,63*** (0,61)

Предикторы	КС 1993	КС 2024	ПВ
	ОШ (СО)	ОШ (СО)	ОШ (СО)
23—27	1,04 (0,09)	0,78 (0,12)	1,12 (0,20)
28—32	0,94 (0,04)	0,90 (0,07)	0,88 (0,15)
33—37	0,94* (0,03)	1,01 (0,05)	0,76 (0,12)
38—42	0,91*** (0,02)	0,99 (0,04)	0,56*** (0,09)
43—47	0,93*** (0,02)	1,00 (0,03)	0,55*** (0,09)
48—52	0,93*** (0,02)	1,02 (0,03)	0,44*** (0,09)
53—57	0,92*** (0,01)	1,02 (0,03)	0,35*** (0,06)
58—62	0,91*** (0,01)	0,98 (0,02)	0,27*** (0,05)
63—67	0,90*** (0,01)	0,98 (0,02)	0,20*** (0,04)
68—72	0,93*** (0,01)	0,97 (0,02)	0,23*** (0,05)
73+	0,92*** (0,01)	0,93*** (0,02)	0,18*** (0,04)
Пол: женский	1,09 (0,08)	1,05 (0,11)	1,08 (0,06)
Образование: среднее специальное	1,09 (0,09)	1,19 (0,19)	1,11 (0,08)
Образование: высшее	1,48*** (0,13)	1,82*** (0,30)	1,57*** (0,12)
Место жительства: город	1,03 (0,08)	1,70*** (0,23)	1,17* (0,08)
Финансовое положение по сравнению со средним	0,96 (0,03)	1,04 (0,06)	0,98 (0,03)
Доход по сравнению с заслуженным: меньше	1,10 (0,11)	1,46** (0,17)	1,23** (0,09)
Год опроса: 2024			0,57* (0,14)
23—27*Год опроса: 2024			0,65 (0,21)
28—32*Год опроса: 2024			0,75 (0,25)
33—37*Год опроса: 2024			1,04 (0,31)
38—42*Год опроса: 2024			1,29 (0,39)
43—47*Год опроса: 2024			1,39 (0,43)
48—52*Год опроса: 2024			2,03* (0,69)
53—57*Год опроса: 2024			2,67** (0,87)
58—62*Год опроса: 2024			2,49** (0,79)
63—67*Год опроса: 2024			3,02*** (0,99)
68—72*Год опроса: 2024			2,22* (0,76)
73+*Год опроса: 2024			1,74 (0,62)
N	3315	1426	4741
R2 Негелькерке	0,277	0,201	0,255

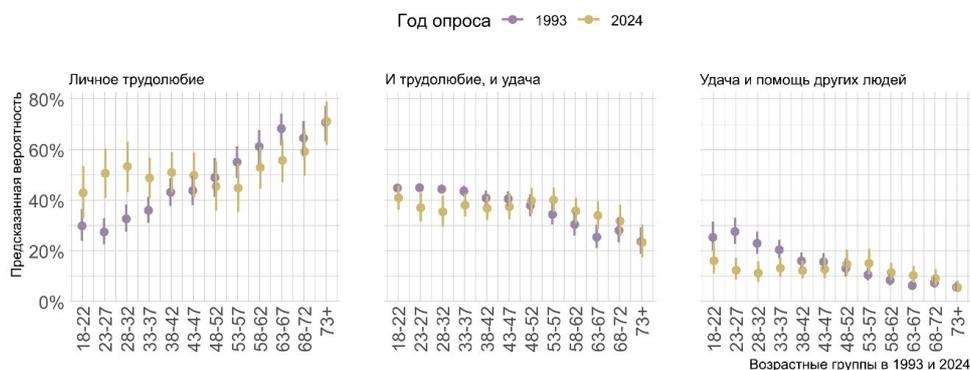
Примечание: * $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$, КС — кросс-секционный дизайн; ПВ — последовательно-временной дизайн; ОШ — отношение шансов; СО — стандартная ошибка.

В кросс-секционном дизайне для сравнения возрастных групп использованы обратные контрасты Хелмерта (сравнение каждой категории с предыдущими). В последовательно-временном дизайне использованы контрасты комбинаций условий (сравнение каждой категории с опорной).

Переходя к последовательно-временному анализу, можно отметить наличие значимого эффекта взаимодействия между возрастными группами и годом опроса. На рисунке 3 показаны предсказанные вероятности веры в личное трудолюбие / удачу в зависимости от возраста в 1993 и 2024 гг. Результаты показывают, что значимые отличия наблюдаются только среди молодых респондентов — в воз-

растных группах с 23 до 37 лет. По сравнению с 1993 г., в 2024 г. молодежь более склонна верить в собственное трудолюбие и одновременно с этим реже атрибутирует успех исключительно удаче. Респонденты из более старших возрастных групп демонстрируют одинаковые результаты в обоих периодах.

Рис. 3. «Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?» — предсказанная вероятность с 95-процентным доверительным интервалом в зависимости от возраста и года опроса, порядковая логистическая регрессия

Помимо этого, модели демонстрируют ряд других интересных результатов. Во-первых, в отличие от предыдущих исследований, говорящих о большей вере женщин в удачу [Fisman, O'Neill, 2009; Daniels, Wang, 2019], в данном случае значимые гендерные различия обнаружены не были. Кроме того, наблюдается положительная связь между наличием высшего образования и верой в удачу — результат, прямо противоположный ожидаемому [Cabeza, Decanq, 2019; Cappelen et al., 2022].

Немаловажно также отметить появление новых детерминант: в 2024 г. наблюдается значимая разница между сельскими и городскими жителями, последние в большей степени склонны верить в важность удачи. Также становится значимой связь между верой в удачу и оценкой собственного дохода: респонденты, считающие, что они зарабатывают меньше, чем заслуживают, придают больше значимости удаче и помощи других людей.

Обсуждение и заключение

Полученные результаты свидетельствуют о наличии возрастных, временных и поколенческих различий в атрибуции успеха. За прошедший период можно отметить некоторый рост интернальности — число людей, считающих, что успех определяется личными усилиями, увеличилось, а число тех, кто объясняет достижения исключительно удачей, — уменьшилось.

С одной стороны, подобные выводы идут вразрез с рядом имеющихся исследований в США [Twenge, Zhang, Im, 2004; Twenge, 2010], говорящих, наоборот, о росте экстернальных установок в конце XX — начале XXI века. Не подтверждаются также и предыдущие выводы на данных западных стран [Bourke, Mechler, 2010; Ng et al., 2018; Twenge, Campbell, 2008] и стран Восточной Европы [Kwiecińska et al., 2023]

о том, что более молодые поколения сильнее склонны обосновывать успех независимыми от них условиями. Наоборот, по сравнению с молодежью 1990-х годов современные молодые люди придают большее значение собственным усилиям. С другой стороны, выявленные тенденции соответствуют историческому контексту. Постсоветские поколения социализировались в новых условиях, предполагающих большую автономию и самостоятельность [Мацкевич, Родионова, 2009], что может объяснять большую веру нынешних молодых людей в важность собственного трудолюбия.

Говоря о поколенческих различиях, стоит отдельно отметить выделяющиеся когорты рожденных во второй половине 1960-х и первой половине 1970-х годов (первые представители «реформенного» поколения) — тех, кто на момент распада СССР только вступал во взрослую жизнь. По сравнению с другими когортами, данные группы демонстрируют большую веру в важность внешних факторов, а также особые паттерны установок. На 2024 г. в когорте 1966/70 наблюдается наибольшее число считающих, что успех определяется исключительно удачей и помощью других людей. Когорта 1970/75 же оказывается «переломной». Во-первых, в отличие от предшествующих групп, здесь в 2024 г. не произошло роста веры в важность личных усилий. При этом удача осталась важным фактором в атрибуции успеха — несмотря на снижение доли верящих исключительно в удачу в данной когорте, рожденные в начале 1970-х оказываются единственной группой, где значительно увеличилась доля верящих в важность как личных, так и внешних факторов. Во-вторых, среди рожденных в последующие периоды ослабевает влияние возраста на атрибуцию успеха: в то время как более ранние советские поколения демонстрируют положительную связь между возрастом и верой в личное трудолюбие, в позднесоветских и постсоветских поколениях возрастные различия отсутствуют. В целом полученные выводы свидетельствуют о неоднородности установок реформенного поколения, что дополняет предыдущие работы, демонстрирующие внутрипоколенческие различия [Ибрагимова, 2014; Радаев, 2020].

Подобные результаты подтверждают идею о негативном влиянии опыта кризисных ситуаций в формативные годы на восприятие контроля и веру в собственные усилия [Motti-Stefanidi, Asendorpf, 2017; Nowicki et al., 2018a; Roland, Yang, 2017]. Аналогично об этом свидетельствуют и более экстернальные установки поколения Z по сравнению с миллениалами: у поколения 2000-х годов юношеские годы пришлось на период пандемии COVID-19, серьезно повлиявшей на ценности и мотивацию (например, отмечается, что в ходе коронакризиса у школьников изменились образовательные стремления [Glick et al., 2025], а у студентов усилился внешний локус контроля [Misamer et al., 2021]). Безусловно, отсутствие более ранних данных для сравнения не позволяет однозначно атрибутировать эти отличия именно пандемии, однако нынешние результаты сходятся с имеющимися теоретическими посылками и косвенно свидетельствуют в их пользу. В то же время результаты соотносятся и с наблюдениями о межпоколенческой передаче социальных установок в отношении факторов успеха и самооффективности [Доценко, Зиновьева, 2020; Gärtner et al., 2023; Snee, Devine, 2018]. Родители представителей поколения Z в большинстве своем — представители реформенного поколения (в том числе рожденные в начале 1970-х годов), склонные к большей вере в важность внешних обстоятельств.

Данное исследование имеет некоторые ограничения. Во-первых, оно охватывает только российских респондентов, что создает сложности для генерализации полученных результатов, однако можно предполагать, что текущие выводы будут релевантны для постсоветского пространства. Кроме того, имеющиеся данные позволяют проанализировать только групповые различия и изменения, поэтому индивидуальные траектории остаются открытым вопросом для дальнейшего изучения.

В целом текущие выводы вносят вклад в дискуссию об атрибуции успеха, а также могут быть использованы при анализе смежных феноменов, например локуса контроля или самоэффективности. Полученные результаты соотносятся с предыдущими наблюдениями о росте интернальности. Кроме того, они показывают, что современные молодые люди отличаются от молодежи 1990-х большей верой в личные усилия. Помимо этого, данное исследование демонстрирует особенности поколения, сформировавшегося в период трансформаций 1990-х годов, тем самым наглядно показывая долгосрочный эффект социальной и экономической нестабильности на установки населения.

Список литературы (References)

1. Долженкова М. И. Особенности ценностных приоритетов в сфере досуга в контексте теории поколений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 11. № 139. С. 64—68.
Dolzhenkova M. I. (2014) Features of Value Priorities in the Field of Leisure within Theory of Generations. *Tambov University Review. Series: Humanities*. Vol. 11. No. 139. P. 64—68. (In Russ.)
2. Доценко А. Е., Зиновьева Е. В. Личностные предикторы конструирования жизненного сценария: самоэффективность молодых людей в связи с жизненной успешностью их родителей // Петербургский психологический журнал. 2020. № 32. С. 97—118.
Dotsenko A. E., Zinovieva E. V. (2020) Personal Predictors of Constructing a Life Scenario: Relationship of Self-Efficiency of Young People and Their Parents' Success in Life. *St. Petersburg Psychological Journal*. No. 32. P. 97—118. (In Russ.)
3. Звоновский В. Б. Локализация ответственности как элемент повседневной практики // Logos et Praxis. 2011. № 3. С. 37—42.
Zvonovsky V. B. (2011) Locus of Responsibility as Everyday's Life. *Logos et Praxis*. No. 3. P. 37—42. (In Russ.)
4. Ибрагимова Д. Х. Потребительские ожидания населения России (1996—2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24—69. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2014-3-24-69>.
Ibragimova D. K. (2014) Consumer Expectations of Russian Population (1996—2009): How are Cohort, Generation and Age Related? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 15. No. 3. P. 24—69. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2014-3-24-69>. (In Russ.)

5. Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7—14.
Levada Y. (2001) Generations of the XXth Century: Opportunities for Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 7—14. (In Russ.)
6. Мацкевич М. Г., Родионова А. В. Локус контроля и атрибуция ответственности (на примере общероссийских опросов и опроса петербургских студентов) // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 289—326.
Matskevich M. G., Rodionova A. V. (2009) Locus of Control and Causal Attribution of Responsibility: General Observations and Specifics of Study (Based on the Russian and St. Petersburg Students Surveys). *St. Petersburg Sociology Today*. No. 1. P. 289—326. (In Russ.)
7. Постникова М. И., Микляева А. В., Сиврикова Н. В., Регуш Л. А. (2022). Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 87—103. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130106>.
Postnikova M. I., Miklyayeva A. V., Sivrikova N. V., Regush L. A. (2022) Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century. *Social Psychology and Society*. Vol. 13. No. 1. P. 87—103. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130106>. (In Russ.)
8. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.
Radaev V. V. (2018) Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>. (In Russ.)
9. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30—63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>.
Radaev V. V. (2020) The Divide Among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part One). *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 3. P. 30—63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>. (In Russ.)
10. Рикель А. М., Доренская С. В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205—225. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10>.
Rikel A. M., Dorenskaya S. V. (2017) A Socio-Psychological Model of Values Among Different Generations in Modern Russian Society. *Russian Psychological Journal*. Vol. 14. No. 4. P. 205—225. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10>. (In Russ.)
11. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. Л. М. Дробужева. М.: Институт социологии РАН, 2003. Вып. 3. С. 213—237.

- Semenova V. V. (2003) Contemporary Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of «Generation». In: Drobizheva L. M. (ed.) *Russia is Reforming. A Yearbook*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 213—237. (In Russ.)
12. Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296—315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>.
Sibirev V. A., Golovin N. A. (2020) Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 296—315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>. (In Russ.)
  13. Alesina A., Fuchs-Schündeln N. (2007) Good-bye Lenin (or not?): The Effect of Communism on People's Preferences. *American Economic Review*. Vol. 97. No. 4. P. 1507—1528. <https://doi.org/10.1257/aer.97.4.1507>.
  14. Archer L., Francis B., Henderson M., Holmegaard H., Macleod E., Moote J., Watson E. (2023) Get Lucky? Luck and Educational Mobility in Working-Class Young People's Lives from Age 10—21. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 44. No.5. P. 843—859. <https://doi.org/10.1080/01425692.2023.2211234>
  15. Azizli N., Atkinson B. E., Baughman H. M., Giammarco E. A. (2015) Relationships between General Self-Efficacy, Planning for the Future, and Life Satisfaction. *Personality and Individual Differences*. Vol. 82. P. 58—60. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.03.006>.
  16. Bailis D. S., Segall A., Chipperfield J. G. (2010) Age, Relative Autonomy and Change in Health Locus of Control Beliefs: A Longitudinal Study of Members of a Health-Promotion Facility. *Journal of Health Psychology*. Vol. 15. No. 3. P. 326—338. <https://doi.org/10.1177/1359105309342296>.
  17. Bandura A. (1977) Self-Efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*. Vol. 84. No. 2. P. 191—215. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.84.2.191>.
  18. Bandura A. (1986) *Social Foundations of Thought and Action*. Prentice-Hall, Inc.
  19. Blank T. O., Levesque M. J. (1993) Constructing Success and Failure: Age Differences in Perceptions and Explanations of Success and Failure. *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 37. No. 2. P. 105—118. <https://doi.org/10.2190/9UB9-FY18-BERX-M1A3>.
  20. Blatt-Eisengart I., Lachman M. E. (2004) Attributions for Memory Performance in Adulthood: Age Differences and Mediation Effects. *Aging, Neuropsychology, and Cognition*. Vol. 11. No. 1. P. 68—79. <https://doi.org/10.1076/anec.11.1.68.29364>.

21. Bourke B., Mechler H. S. (2010) A New Me Generation? The Increasing Self-Interest among Millennial College Students. *Journal of College and Character*. Vol. 11. No. 2. <https://doi.org/10.2202/1940-1639.1034>.
22. Cabeza B., Decancq K. (2019) Beliefs about the Role of Effort and Luck during the Great Recession in Spain. In *What Drives Inequality?* Emerald Publishing Limited. Vol. 27. P. 139—153. <http://dx.doi.org/10.1108/S1049-258520190000027010>.
23. Cappelen A. W., Mollerstrom J., Reme B. A., Tungodden B. (2022) A Meritocratic Origin of Egalitarian Behaviour. *The Economic Journal*. Vol. 132. No. 646. P. 2101—2117. <https://doi.org/10.1093/ej/ueac008>.
24. Cheng C., Lo B. C., Chio J. H. (2010) The Tao (Way) of Chinese Coping. In *The Oxford handbook of Chinese psychology*. Oxford University Press. P. 399—419. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199541850.013.0025>.
25. Cobb-Clark D. A., Schurer S. (2013) Two Economists' Musings on the Stability of Locus of Control. *The Economic Journal*. Vol. 123. No. 570. P. F358-F400. <https://doi.org/10.1111/econj.12069>.
26. Daniels J., Wang M. (2019) What Do You Think? Success: Is It Luck or Is It Hard Work? *Applied Economics Letters*. Vol. 26. No. 21. P. 1734—1738. <https://doi.org/10.1080/13504851.2019.1593930>.
27. Fisman R., O'Neill M. (2009) Gender Differences in Beliefs on the Returns to Effort: Evidence from the World Values Survey. *Journal of Human Resources*. Vol. 44. No. 4. P. 858—870. <https://doi.org/10.3368/jhr.44.4.858>.
28. Gärtner M., Mollerstrom J., Seim D. (2023) Intergenerational Transmission of Luck versus Effort Beliefs. *Economics Letters*. Vol. 232. Art. 111345. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111345>.
29. Glick J. E., Alcaraz M., Randrianasolo A., Yabiku S. T. (2025) COVID-19, School Closures and the Retreat from Educational Aspirations. *Journal of Adolescence*. Vol. 97. No. 1. P. 148—164. <https://doi.org/10.1002/jad.12406>.
30. Grubb V. M. (2016) *Clash of the Generations: Managing the New Workplace Reality*. John Wiley & Sons.
31. Harris E. A., Milfont T. L., Hornsey M. J. (2022) Belief in Luck and Precognition around the World. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 53. No. 9. P. 1033—1053. <https://doi.org/10.1177/00220221221110462>.
32. Hovenkamp-Hermelink J. H., Jeronimus B. F., Spinhoven P., Penninx B. W., Schoevers R. A., Riese H. (2019) Differential Associations of Locus of Control with Anxiety, Depression and Life-Events: A Five-Wave, Nine-Year Study to Test Stability and Change. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 253. P. 26—34. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.04.005>.
33. Ingram N., Bathmaker A. M., Abrahams J., Bentley L., Bradley H., Hoare T., Waller R. (2023) *The Degree Generation: The Making of Unequal Graduate Lives*. Policy Press.

34. Krampe H., Danbolt L. J., Haver A., Stålsett G., Schnell T. (2021) Locus of Control Moderates the Association of COVID-19 Stress and General Mental Distress: Results of a Norwegian and a German-Speaking Cross-Sectional Survey. *BMC Psychiatry*. Vol. 21. No. 1. Art. 437. <https://doi.org/10.1186/s12888-021-03418-5>.
35. Kwiecińska M., Grzesik K., Siewierska-Chmaj A., Popielska-Borys A. (2023) Generational Differences in Values and Patterns of Thinking in the Workplace. *Argumenta Oeconomica*. No. 1. P. 95—118. <https://doi.org/10.15611/aoe.2023.1.05>.
36. Ledgerwood A., Mandisodza A. N., Jost J. T., Pohl M. J. (2011) Working for the System: Motivated Defense of Meritocratic Beliefs. *Social Cognition*. Vol. 29. No. 3. P. 322—340. <https://doi.org/10.1521/soco.2011.29.3.322>.
37. Legerski E. M., Cornwall M., O'Neil B. (2006) Changing Locus of Control: Steelworkers Adjusting to Forced Unemployment. *Social Forces*. Vol. 84. No. 3. P. 1521—1537. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0054>.
38. Lerner M. J. (1980) The Belief in a Just World. In *The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion*. Boston, MA: Springer US. P. 9—30. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5_2.
39. Loveday V. (2018) Luck, Chance, and Happenstance? Perceptions of Success and Failure Amongst Fixed-Term Academic Staff in UK Higher Education. *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 3. P. 758—775. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12307>.
40. Masche J. G., Van Dulmen M. H. M. (2004) Advances in Disentangling Age, Cohort, and Time Effects: No Quadrature of the Circle, but a Help. *Developmental Review*. Vol. 24. No. 3. P. 322—342. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2004.04.002>.
41. Misamer M., Signerski-Krieger J., Bartels C., Belz M. (2021) Internal Locus of Control and Sense of Coherence Decrease during the COVID-19 Pandemic: A Survey of Students and Professionals in Social Work. *Frontiers in Sociology*. Vol. 6. Art. 705809. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.705809>.
42. Mockaitis A. I., Kumpikaitė-Valiūnienė V., Duobienė J., Banevičienė I., Žičkutė-Daugelavičienė I. (2025) Between Past and Present: Age, Period, and Cohort Effects on Changing Values in Lithuania. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 56. No. 6. P. 726—750. <https://doi.org/10.1177/00220221251326957>.
43. Motti-Stefanidi F., Asendorpf J. B. (2017) Adaptation during a Great Economic Recession: A Cohort Study of Greek and Immigrant Youth. *Child Development*. Vol. 88. No. 4. P. 1139—1155. <https://doi.org/10.1111/cdev.12878>.
44. Ng E. S., Lyons S. T., Schweitzer L. (2018) Generational Career Shifts: How Matures, Boomers, Gen Xers, and Millennials View Work. Emerald Publishing Limited.
45. Ng T. W., Sorensen K. L., Eby L. T. (2006) Locus of Control at Work: A Meta-Analysis. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 27. No. 8. P. 1057—1087. <https://doi.org/10.1002/job.416>.

46. Nowicki S., Ellis G., Iles-Caven Y., Gregory S., Golding J. (2018a) Events Associated with Stability and Change in Adult Locus of Control Orientation over a Six-Year Period. *Personality and Individual Differences*. Vol. 126. P. 85—92. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.01.017>.
47. Nowicki S., Iles-Caven Y., Gregory S., Ellis G., Golding J. (2018b). Stability of, and Associations between, Parent and Child Locus of Control Expectancies. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02018>.
48. Roberts C. W. (1986) Tracing Formative Influences on Event Recall: A Test of Mannheim's Sensitivity Hypothesis. *Social Forces*. Vol. 65. No. 1. P. 74—86. <https://doi.org/10.1093/sf/65.1.74>.
49. Roland G., Yang D. Y. (2017) China's Lost Generation: Changes in Beliefs and Their Intergenerational Transmission. National Bureau of Economic Research. <https://www.nber.org/papers/w23441>.
50. Rotter J. B. (1966) Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. Vol. 80. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1037/h0092976>.
51. Sauder M. (2020) A Sociology of Luck. *Sociological Theory*. Vol. 38. No. 3. P. 193—216. <https://doi.org/10.1177/0735275120941178>.
52. Snee H., Devine F. (2018) Fair Chances and Hard Work? Families Making Sense of Inequality and Opportunity in 21st-Century Britain. *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 4. P. 1134—1154. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12358>.
53. Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, NY: William Morrow & Company.
54. Strömwall L. A., Alfredsson H., Landström S. (2013) Blame Attributions and Rape: Effects of Belief in a Just World and Relationship Level. *Legal and Criminological Psychology*. Vol. 18. No. 2. P. 254—261. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8333.2012.02044.x>.
55. Twenge J. M. (2010) A Review of the Empirical Evidence on Generational Differences in Work Attitudes. *Journal of Business and Psychology*. Vol. 25. No. 2. P. 201—210. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9165-6>.
56. Twenge J. M., Campbell S. M. (2008) Generational Differences in Psychological Traits and their Impact on the Workplace. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 23. No. 8. P. 862—877. <https://doi.org/10.1108/02683940810904367>.
57. Twenge J. M., Carter N. T., Campbell W. K. (2017) Age, Time Period, and Birth Cohort differences in Self-Esteem: Reexamining a Cohort-Sequential Longitudinal Study. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 112. No. 5. P. e9—e17. <https://doi.org/10.1037/pspp0000122>.
58. Twenge J. M., Zhang L., Im C. (2004) It's beyond My Control: A Cross-Temporal Meta-Analysis of Increasing Externality in Locus of Control, 1960—2002. *Personality and*

Social Psychology Review. Vol. 8. No. 3. P. 308—319. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0803_5.

59. Weiner B., Heckhausen H., Meyer W. U. (1972) Causal Ascriptions and Achievement Behavior: A Conceptual Analysis of Effort and Reanalysis of Locus of Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 21. No. 2. P. 239—248. <https://doi.org/10.1037/h0032307>.
60. Wilkins V. M., Wenger J. B. (2014) Belief in a Just World and Attitudes toward Affirmative Action. *Policy Studies Journal*. Vol. 42. No. 3. P. 325—343. <https://doi.org/10.1111/psj.12063>.

Приложение

Таблица А1. **Социально-демографические характеристики респондентов в 1993 и 2024 (%)**

Характеристика	1993 N = 3727	2024 N = 1544
Пол: женский	63,0	59,6
Возраст		
18—22	6,2	6,7
23—27	8,6	6,8
28—32	9,9	6,8
33—37	12,7	11,5
38—42	12,2	11,1
43—47	10,6	8,7
48—52	5,5	6,3
53—57	8,9	6,9
58—62	6,9	10,5
63—67	7,2	9,7
68—72	5,9	7,8
73+	5,5	7,4
Год рождения (поколение [Радаев, 2018: 18])		
<1936 (мобилизационное)	25,4	0,3
1936/40 (мобилизационное/поколение оттепели)	8,9	0,8
1941/45 (поколение оттепели)	5,5	0,9
1946/50 (поколение оттепели/застоя)	10,6	4,3
1951/55 (поколение застоя)	12,2	7,4
1956/60 (поколение застоя)	12,7	9,1
1961/65 (поколение застоя)	9,9	10,6

Характеристика	1993 N = 3727	2024 N = 1544
1966/70 (поколение застоя/реформенное)	8,6	7,1
1971/75 (реформенное)	6,2	6,9
1976/80 (реформенное)	—	8,0
1981/85 (реформенное/миллениалы)	—	10,8
1986/90 (миллениалы)	—	11,6
1991/95 (миллениалы)	—	7,8
1996/00 (миллениалы)	—	6,4
>2000 (поколение Z)	—	7,9
Образование		
Среднее и ниже	45,5	17,7
Среднее специальное	31,2	37,3
Высшее	23,3	44,9
Место жительства: город	71,1	76,4
Финансовое положение по сравнению со средним:		
Гораздо ниже	38,8	14,2
Немного ниже	26,0	27,7
Среднее	29,3	46,6
Немного выше	5,3	9,9
Гораздо выше	0,7	1,6
	85,0	67,4